

С.В.Величкин

ИНДИЯ. ДЕЛА ПОСОЛЬСКИЕ

Индия... Далекая и издавна манящая русских людей извечными легендами об «алмазах в каменных пещерах», захватывающих воображение чудесах... Расхожее представление об относительной новизне реального и практического наполнения российско-индийских отношений порождено, главным образом, хорошо известной с петровских времен склонностью нашей просвещенной публики видеть себя постоянно «на пути в Европу», сколь бы этот взгляд не был ограничен.

На деле связи между Россией и Индией восходят, по меньшей мере, ко времени всем известного «хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Было это в начале семидесятых годов пятнадцатого века — как верно подметил наш современник и многолетний посол Индии в Москве Кумар Падма Шивасанкар Менон, еще за пятьдесят лет до путешествия Васко да Гамы.

Правда, знаменитый португалец, хоть и привез в качестве дара индийскому правителю мало потребные в жаркой стране несколько бочек вина, сукно и разные безделушки (примитивные по сравнению с тонкой работой ремесленников Индостана), сим «жалким подношением» сразу же охладив интерес тамошних купцов к засылке собственных закупщиков в Западную Европу, положил начало непосредственной, прямой торговле западноевропейцев со «страной чудес». Русские же товары оттуда еще долгое время получали через среднеазиатских и персидских посредников. Впрочем, именно насильственное вытеснение португальцами с морских путей переместило центр активности индийских купцов к началу XVII века на караванную торговлю. Так, через астраханские «ворота» в 30-е годы XVII века они добрались в Россию.

Аккуратности ради стоит упомянуть сведения в Никоновской летописи, что в 1532 году в Москву прибыл посланец от правителя государства Великих Моголов Бабура с предложением «быть в дружбе и братстве». Вряд ли это был гонец действительно умершего еще в декабре 1530 года Бабура — более полутора лет провести в дороге между его столицей Агрой и Москвой многовато даже для того времени. Скорее всего, то был предприимчивый купец. Так или иначе, тогдашний Великий князь Василий Иванович посланца не принял ввиду отсутствия сведений в России об индийских делах: «В братстве к нему не приказал, потому что не ведает его государства: неведомо — он государь или государству тому урядник».

Так что сведения об Индии в Посольский приказ поначалу поступали из иных стран: известно подробное донесение про индийские вести в Исфагане от русского гонца в Персии Алексея Романчукова в 1637 году. В 1646 же году перед посольством Анисима Грибова, отправленным через Иран в Среднюю Азию — в Балх, Хиву и Бухару — ставится задача узнать, как удобнее ехать из Астрахани в «Индийское царство».

Так готовилось первое российское посольство непосредственно в Индию — в том же году в качестве него должен был выехать «торговый человек, казанец» Никита Сыроежкин в сопровождении астраханца Василия Тушканова. Однако оно не состоялось, так как персидский Шах Аббас, находившийся в состоянии войны с могольским императором Шах Джаханом, русскую миссию пропустить отказался. Неудачной была и вторая попытка уже новых послов — Родиона Никитича Пушкикова и Ивана Никитича Деревенского — пятью годами позже тем же маршрутом. На сей раз российские представители вынуждены были вернуться из Персии из-за мытарств от местных властей.

Поэтому третье посольство — под началом мусульманина — астраханца Мухаммеда Юсуфа Касимова — было послано в Индию в 1675 году иным путем — через Бухару и Балх. Тот до могольской державы добрался, прибыв в Кабул. Однако принять иностранца из неведомой России, да еще со скудными на индийский взгляд подарками и малолюдной свитой суровый и подозрительный падишах Аурангзеб отказался.

Неудачной, пожалуй, следует считать и четвертую попытку — купца Семена Мартыновича Маленького в 1695 году с грамотой уже царей Петра и Ивана. Тот, хоть и добрался до Аурангзеба после множества мытарств по персидскому маршруту (проделав его последний этап по морю между гаванями Бендер-Аббас и Сурат) и даже получил фирман о праве на беспошлинную торговлю в Индии, на обратном пути, в Шемахе, умер, а фирман, как и закупленные товары, доставил в Москву через несколько лет его слуга Андрей Семенов.

Продолжая традиционную русскую политику, Петр Великий после попытки отыскать дорогу в Индию усилиями экспедиции подполковника Бухгольца вверх по Иртышу (1714) направляет через Среднюю Азию в 1716 году отряд князя Бековича-Черкасского, которому эта задача вменялась в число важнейших. К сожалению, экспедиция погибла от рук солдат хивинского хана.

Таким образом, до начавшегося захватом Бенгалии после битвы при Плесси в 1757 году английского завоевания Индии дипломатические отношения между двумя великими империями так и не были установлены. А следующим после Никитина русским человеком, прожившим в Индии годы, изучившим и постигшим важные стороны ее цивилизации и донесшим до Родины описание своей одиссеи, был лишь колоритнейший Герасим Степанович Лебедев. Одаренный музыкант-виолончелист, выехавший, «воспламеняемый ревностью к обозрению света», с русским посольством в Неаполь, в конечном счете в 1789 году оказался в Мадрасе, где прожил два года, давая концерты и уроки музыки. Оттуда он переехал в Калькутту, овладел местными языками, организовал первый индийский театр европейского типа и накопил незаурядные знания, позволившие по возвращении в Россию в 1805 году издать книгу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев», проникнутую духом искреннего уважения к индийцам и яростного негодования по отношению к их английским властителям. По существу Лебедев стал первым русским индологом. Служил же он в петербургский период жизни (умер в 1817 году) в Государственной коллегии иностранных дел в чине коллежского асессора, а затем надворного советника.

Попытки России установить прямые отношения с Индией, в том числе дипломатические контакты с наиболее сильным и стойким перед лицом британской колониальной агрессии

государством Индостана — сикхской державой Ранджита Сингха — были продолжены в первой половине XIX века. Фоном для них была весьма значительная торговля, прежде всего в России поступавшими из Индии, главным образом через установившую монополию в мировой торговле и на морских путях Англию, товарами — знаменитыми кашмирскими шальями, пряностями (перцем, гвоздикой, корицей), красителями (прежде всего — индиго) и, все более, хлопком. Это стало одним из стимулов для российского продвижения в Среднюю Азию, необходимого для контроля над сухопутными торговыми путями.

Так были заложены основы для «большой игры» — англо-русского соперничества на центральноазиатских пространствах — важнейшего измерения составлявшего во многом фокус мировой дипломатии на протяжении того бурного столетия «восточного вопроса».

Подлинная суть проблемы заключалась в столкновении основных, фундаментальных интересов двух крупнейших империй. Добившись после установления господства в мировом океане создания невиданной доселе глобальной державы, «над которой никогда не заходит солнце», правители «туманного Альбиона» отнюдь не были намерены признать равными собственным права любого соперника. И, гордясь сокрушением великой католической испанской империи, а за ней — дерзкого порождения безбожной французской революции — наполеоновского колосса, уж во всяком случае, потерпеть «претензии гиперборейских варваров» из Санкт-Петербурга. Между тем возмужавшая гением Петра и рачительностью Екатерины Россия в естественном стремлении к торговому общению с миром и обустройству своих огромных евразийских пространств зримо наращивала международный вес и всестороннюю активность в мировой политике.

Миф о «русской угрозе Индии» отражал то реальное обстоятельство, что, кроме России, ни одна сила на земле не была способна даже в теории бросить вызов британскому обладанию этим «алмазом короны». Англичанам хватило намека, которым в сущности остался эмоциональный приказ императора Павла в 1801 году атаману Донского казачьего войска Орлову двинуть корпус Платова на Индию. И ведь это Наполеон подсказал нашему Гамлету идею обеспечить триумф тогдашнего русско-французского альянса над англичанами совместным завоевательным походом в страну, которую не он один считал подлинным источником силы Лондона, проистекающей по преимуществу из награбленного там богатства.

Как известно, убийство вскоре после того российского самодержца — не без причастности высланного незадолго до злодеяния английского посла — остановило казаков близ Оренбурга. Но много лет позже, когда Венский конгресс в 1815 году закрепил высокий статус России, обретенный ею после сокрушения Бонапарта, символом которого стал проход тех же донских сотен уже через Париж, объявившиеся на берегах Темзы бдительные публицисты энергично взялись за тему «завещания Петра Великого» о пресловутом «омовении сапог русского гренадера в теплом Индийском океане».

Следует подчеркнуть, что основания опасаться за судьбы колониального режима в Индии создавала сама его несправедная суть — покоренные и ограбленные ненавидели надменных угнетателей. Восстания следовали одно за другим. Крепли социальные силы, зрело общественное недовольство, которые в конечном счете и привели много позже к крушению британского владычества и провозглашению независимости Индии.

История зафиксировала многочисленные факты, подтверждающие, как немаловажное проявление свободолюбия индийцев, присутствие в умах многих просвещенных представителей их тогдашней элиты настроения в пользу обретения в России поддержки в борьбе против колониального порабощения. Имели место попытки таких деятелей выйти на российские власти, в том числе с опасностью для жизни преодолев тысячные расстояния, таясь от британских агентов.

Порой отдельные военные и политические фигуры царской администрации, особенно когда британская интрига против России усиливалась (например, в годы вслед за Крымской войной 1853-1856 гг., в период Балканской войны 1878 года, Кушкинского кризиса 1885 г.), во внутренней служебной переписке и поднимали вопрос о «нанесении удара британскому могуществу в Азии... сделав демонстрацию против британских владений в Индии» (словами докладной записки директора военно-топографического депо Главного штаба генерал-майора И.Ф. Бламберга).

На деле, однако, все подобные заходы начальством, включая лично императоров, когда им докладывались, отвергались, а на индийские обращения давались общие и необязывающие ответы. Россия, что стало особо очевидным, в том числе тем, кто ею правил, после крымской катастрофы, не имела достаточных сил для подлинного натиска на англичан в их владениях. Впрочем, за тридцатилетие с момента основания форпоста Верный (нынешний Алма-Ата) в 1854 году до утверждения в Кушке (1885) в состав России была включена практически вся Средняя Азия и соперники по сути пришли в соприкосновение в Афганистане и на Памире.

С открытием в 1869 году Суэцкого канала длина водного пути из Одессы в Бомбей сократилась на восемь тысяч морских миль (для сравнения: из Лондона в Бомбей — на 4840 и из Марселя в Бомбей — на 5940), то есть в три раза. Наша черноморская жемчужина оказалась самой близкой к Индии из всех крупнейших европейских портов, где имелись посреднические торговые фирмы. Это положило начало прямой морской торговле: резко возросли поставки индийских хлопка, джута, чая, красителей; в Индию пошли русский керосин и другие нефтепродукты, затем — сахар, некоторые ткани и медикаменты.

Именно расширение торговых отношений между Россией и Индией прежде всего мотивировало учреждение русского консульства в Бомбее в 1900 году. Первым консулом был назначен чиновник Азиатского департамента МИД Вильгельм Оскарович Клемм. В конце XIX века он длительное время занимал пост управляющего российским политическим агентством в Бухаре, установил контакты с индийцами и неизменно выступал энергичным поборником расширения и укрепления русско-индийских экономических отношений.

История открытия первого российского дипломатического представительства на индийской земле достаточно поучительна. Первые предложения на сей счет прозвучали у нас в начале 70-х годов XIX века, вслед за открытием Суэцкого канала. Однако до конкретных шагов дело не дошло. Англичане противились под разными предлогами. Практически вопрос удалось «дожать» лишь после серии весьма энергичных представлений российской дипломатии в 1898-1899 годах.

При этом наша сторона ссылалась как на необходимость консульского сопровождения обретшей весьма достойные обороты торговли и содействия подданным Российской империи

— мусульманам-паломникам, направлявшимся ежегодно из Средней Азии в Мекку через Бомбей, так и на формально-юридические основания в виде статей англо-русского торгового договора 1858—1859 гг. и соглашения 1875 года об учреждении британского консульства в Тифлисе. Указывалось, что в Бомбее уже имеют свои консульства другие державы — Австро-Венгрия, Бельгия, Турция, Персия и Португалия.

Ставшие достоянием историков документы британской внутрислужебной переписки свидетельствуют о том, что вице-король Индии лорд Керзон (тот самый, который, на памяти советских поколений наших соотечественников в двадцатые годы уже XX века в качестве министра иностранных дел Великобритании стал символом и воплощением антисоветского курса своего правительства) приложил все силы, чтобы опровергнуть целесообразность создания российского Генконсульства.

Решающую роль сыграли, однако, соображения тех кругов в Лондоне, которые понимали неизбежность грядущей схватки с крепнущей на глазах Германией и необходимость привлечения на свою сторону в ней России. Это понимание и привело несколькими годами позднее (в 1907 году) к оформлению «Сердечного согласия» — Антанты, частью которого стало размежевание двух держав в Азии — Иране, Афганистане и Китае.

В итоге консульство начало функционировать 22 ноября 1900 года. Не ранее, однако, чем русофоб Керзон добился снижения его статуса с уже объявленного в опубликованном в России официальном сообщении «Генерального». При этом было оговорено, что русский консул должен будет «ограничиться выполнением коммерческих и консульских обязанностей и не претендовать на статус дипломата».

Все это, однако, не могло изменить своеобразной ситуации, в которой зарубежные консулы, как бы они не назывались, в Индии, где существовало «правительство» и даже двор вице-короля, фактически на различных официальных церемониях выступали как политические представители своих стран. Более того, откровенная неприязнь колониальных хозяев к России, выражавшаяся и в активной антирусской пропаганде, усиливала симпатии и надежды индийцев на помощь своим устремлениям к независимости со стороны этого могущественного противника их угнетателей.

А как оценивала значение новой дипломатической точки сама российская дипломатия? Вот цитата из инструкции Клемму тогдашнего министра иностранных дел графа Владимира Николаевича Ламздорфа: «Основное значение для нас Индии заключается в том, что она представляет собою наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв ее, одно прикосновение к коему, в случае надобности, способно, быть может, заставить правительство королевы изменять враждебное нам настроение его политики и проявлять желаемую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обоюдные интересы».

В первую голову в этой связи перед консульством ставилась задача «располагать при всяком данном случае возможно точными сведениями об общем положении вещей в Индии» — как военного, так и политического, включая «сведения об общем настроении народных масс», характера. Относительно упомянутых настроений в Санкт-Петербурге вполне отдавали себе отчет, что «свокорыстная политика Великобритании в Индии и высокомерное отношение англичан к туземному элементу продолжает возбуждать глубокую ненависть к ним среди

многомиллионного населения страны. Существует даже мнение, что достаточно малейшего повода, например, появления неприятеля на границах Индии, дабы вызвать поголовное восстание туземцев против англичан» (в скобках заметим, что мнение, видимо, довольно обоснованное: когда такой неприятель, причем на дальних границах, появился — пусть не там и не тот, как думалось на рубеже веков — а речь идет о выходе японцев в 1942 году к бирманско-индийской границе, — то в Индии действительно вспыхнуло мощнейшее, сродни восстанию, движение «Вон из Индии!» под руководством Махатмы Ганди, завершившееся согласием Лондона на провозглашение ее независимости).

Тем не менее — в том и существо «посольского дела» — консулу вменялось «тщательно проверить эти обстоятельства» и «зорко следить за ходом событий внутри страны».

«Что же касается собственно консульских Ваших обязанностей, — говорилось далее в инструкции министра, — то кроме обычного содействия и покровительства русско-подданным, Вы должны, насколько это возможно, способствовать развитию нашей торговли с Индией».

Центр предусмотрительно отмечал, основываясь на предшествовавших открытию консульства переговорах, что положение его главы, «будет, особенно на первых порах, весьма щекотливым и что местные англо-индийские власти будут следить за каждым Вашим шагом...».

Так оно и происходило. Даже через год Клемм сообщал в Петербург: «Английские власти все еще смотрят на нас с крайним подозрением, и все члены консульства находятся под постоянным и бдительным надзором полиции... Письма и пакеты, получаемые по почте, носят следы бесцеремонного вскрытия... По словам одного из высших здешних чиновников (ирландца), о каждой нашей поездке исписываются целые тома специально командированными каждый раз сыщиками».

Что это не присущая, дескать, русским шпионофобия подтверждается секретными документами британской администрации, где прямо указывается, что «предложение об установлении тщательного наблюдения за Клеммом исходило от Министерства иностранных дел». Слежкой занимался специальный отдел, готовивший «регулярные доклады о его передвижениях». Так, майор Х. Дэли, агент генерал-губернатора в Центральной Индии, сообщал секретарю индийского правительства, с каким поездом и когда прибыл в Гвалиор Клемм, что делал вечером и на следующее утро, с кем был на прогулке, с кем и когда уехал дальше, что написал в адрес махараджи и где будет ночевать следующую ночь.

Когда в начале 1904 года Клемм выразил желание совершить поездку по Северной Индии, это вызвало целую переписку между высшими должностными лицами англо-индийской бюрократии. Сам вице-король Керзон объявил эту поездку нежелательной.

Поразмыслим: это чуть не за полвека до «холодной войны» с ее необходимостью противодействовать зловещей «руке» «тоталитарной» Москвы... А может, дело в том, что наблюдал в ходе поездок, какие выводы делал на этой основе русский дипломат?

Да, информация от Клемма в Центр шла обширная и интересная. А главное — объективная.

Он пишет о «вопиющем вымогательстве администрации», о «безобразной нищете населения», о том, что индийцы обращены в «простых выючных животных и безответных рабов». Отмечает «английскую заносчивость, английский произвол и английскую несправедливость по отношению к туземному населению», «нескрываемое презрение ко всему туземному», пишет о встречах с такими англичанами, которые «отрицали в туземцах человеческое достоинство и называли их просто cattle» (скоты).

Соответственно, консул свидетельствует и о «проявлении народной ненависти к английским порядкам и традициям в Индии», протестах против «целого ряда пристрастных решений, выгораживающих и оправдывающих нередко лиц, принадлежащих к господствующей расе, хотя бы и совершавших самые возмутительные преступления и насилия над туземцами».

В донесении от 17 февраля 2003 года Клемм отмечает: «Времена господства над Индией при помощи грубой силы начинают отходить в область предания. Индия за последние два десятка лет значительно шагнула вперед, партия индийских патриотов растет с каждым годом. И с нею приходится считаться хотя бы пока лишь настолько, чтобы устранить самые вопиющие стороны британского владычества».

Российское дипломатическое представительство в непрестом положении. Очень скоро туда начали поступать письма от индийцев, содержавшие «жалобы на английский режим в Индии и выражение надежды, что Россия скоро появится в этой стране и выгонит из нее ненавистных властителей».

Реакция Керзона и его цивилизаторского аппарата была в лучших традициях англосаксонской демократии с ее непревзойденной любовью к непорочной истине и справедливости...

Клемм сообщает, что ложь о России и всем русском является одним из центральных направлений британской пропаганды. «В индийском народе, или, по крайней мере, в образованных его классах... систематически развиваются, во-первых, совершенно ложные представления о России и, во-вторых, сознание или опасение, что эта невежественная и варварская страна, полная самой вопиющей тирании и несправедливости, взяточничества и т.п., может в один прекрасный день наложить свою тяжелую лапу на Индию». В донесениях консула много подробностей о публикации статей в газетах и распространении книг враждебного России содержания, соответствующих программам обучения солдат индийских войск.

Да вот только результат русофобской пропаганды зачастую оказывался противоположным задумке ее организаторов — столь велика была глубина недоверия широких кругов индийского общества к лицемерной велеречивости «сыновей Альбиона». Впрочем, немалую работу вело и консульство (а ведь в штате его, кроме главы представительства, поначалу состоял лишь один секретарь!). Цитируем Клемма:

«Во время моего недавнего путешествия... я постоянно замечал, что к нам, русским, присматриваются с особым любопытством, и мне приходилось неоднократно слышать от туземцев, евразийцев (метисов) и даже англичан, родившихся и воспитывавшихся в Индии, что они представляли себе русских совершенно иначе». Они с удивлением убеждались, что

представители этой «варварской страны» по обходительности и вежливости превосходят англичан.

Консул использовал все возможности, чтобы рассеять подозрительность по отношению к России и неверные представления о ней. Вместе с тем он много времени посвящал укреплению у индийцев интереса к России, развитию связей с индийскими торговыми фирмами, а также старался заинтересовать русские фирмы возможностями расширения торговли с Индией.

МИД России придавал этой работе немалое значение и оценивал ее позитивно. Так, 15 ноября 1901 года директор 1 департамента министерства Николай Генрихович Гартви́г писал Клемму: «Донесения Ваши ввиду серьезного делового их интереса были направлены на рассмотрение подлежащих ведомств, для деятельности которых они будут служить полезным материалом». Многие из ню просматривал и царь, о чем свидетельствуют личные пометки.

Наиболее важные экономические обзоры Клемма, которые могли заинтересовать русских предпринимателей, публиковались в периодически издаваемых российским МИДом в те времена «Сборниках консульских донесений».

Весьма показателен следующий факт. С началом революционного подъема в Индии с 1905 года одной из форм антиколониальной борьбы стал бойкот английских товаров и движение в поддержку национальной промышленности — *свадеш*. У выдающегося лидера индийского освободительного движения Бала Гангадхара Тилака появляется идея: с помощью консула выйти прямо на торгово-промышленные круги России, чтобы попытаться заменить английские хлопчатобумажные ткани в Индии русскими и тем подорвать английскую монополию. С этой целью Тилак неоднократно в 1905 году навещал Клемма. Вряд ли можно более ярко проиллюстрировать реальный рост статуса российского представительства и личной популярности его руководителя.

Впрочем, формальный статус российская сторона также к этому времени «дожала». Со сменой на посту вице-короля Керзона в МИД России удалось провести давно задуманный «размен фигур»: на учреждение британского вице-консульства в Баку добиться признания англо-индийскими властями Клемма Генеральным консулом (о чем он сообщил в Центр в донесении от 14.11.1905 г.)

Следует отметить, что с подписанием в 1907 году англо-русского соглашения об урегулировании противоречий в Азии положение российского Генконсульства сильно изменилось. Генеральным консулом в Индию был назначен барон Альфонс Альфонсович Гейкинг — большой знаток Англии, где до назначения в Бомбей служил консулом в Ньюкасле (и, между прочим, был избран почетным доктором гражданского права Даремского университета). Новую ситуацию он оценил так: «Сближение между Россией и Великобританией способствует установлению прочных и широких торговых сношений между нашим Отечеством и Индией. Не следует пропускать такого удобного момента». Соответственно изменились и приоритеты работы.

Впрочем, вот рекомендация из новых инструкций Гейкингу: «Как известно, среди туземного населения Индии весьма распространено поверье, что столкновение между Россией и Великобританией неизбежно и что результатом этой борьбы будет освобождение Индии от

английского владычества. Само собой разумеется, что всяческие попытки со стороны туземцев вступать с вами в какие-либо разговоры на эту тему должны быть отклоняемы вами самым решительным образом». Консулу рекомендовалось вести себя осмотрительно, соблюдать крайнюю осторожность в сношениях с индийцами, «дабы не навлечь на себя каких-либо подозрений и неудовольствия со стороны местных властей».

С другой стороны, изменился тон по отношению к России англо-индийской прессы, со страниц ее исчезли откровенные нападки (как отмечал Гейкинг в донесениях — из страха англичан «перед все более вооружающейся предприимчивой Германией»). Менее назойливой стала слежка за сотрудниками Генконсульства, создавая возможности для расширения контактов — а значит, для «завязывания торговых сношений», писал Генконсул. Он взялся за это дело энергично и целеустремленно. И добился немалых результатов в результате отклика как русских, так и индийских деловых кругов. Возрос объем торговли (хотя в силу британского монопольного контроля и оставался малозначительным), открылись паромные линии между Владивостоком и Калькуттой.

В Калькутту же — местопребывание англо-индийского правительства — удалось после долгих хлопот перевести из Бомбея и российское Генконсульство. Для установления «непосредственных сношений» с этим правительством. Однако англичане, изменившие только линию поведения в отношении русских, а внутренне, по обыкновению, движимые своими «постоянными интересами», предельно затянули предоставление сей привилегии новому сердечному союзнику (хотя в Калькутте давно уже имели своих представителей не только Франция и Япония, но и Германия!). Генконсульство переехало туда только в 1910 году, за несколько месяцев до переноса индийской столицы в Дели, что, в сущности, лишало акцию смысла.

Ретроспективно, впрочем, это очередное «па» во взаимно напряженном передвижении внимательно следящих за каждым движением соперника геополитических противников, какими неизменно оставались Россия и Англия, меркнет и забывается в тени начатых через каких-то три-четыре года Мировой войной глобальных исторических потрясений.

Октябрьская революция в России положила среди многого прочего конец дипломатическому эпизоду в истории отношений с Индией.

Дипломатическое измерение вновь они обрели через сорок лет, когда в преддверии провозглашения индийской независимости 13 апреля 1947 года была оформлена соответствующая договоренность сторон — результат контактов, развивавшихся со времени Сан-францисской конференции Объединенных Наций, закономерное следствие курса, объявленного вице-председателем временного правительства Индии Джавахарлалом Неру в первом же выступлении по радио 7 сентября 1946 года, а главное — неизбежное воплощение тех настроений признательности за неизменную поддержку национально-освободительного движения в Индии, надежды на сотрудничество в становлении независимости своего возрождаемого государства, которые были характерны для преобладающего большинства индийской общественности, значительной массы населения огромной страны.

Стремясь как можно скорее наладить дружественные отношения с СССР, Неру тогда же, в апреле 1947 года, предлагает Советскому правительству «обменяться дипломатическими и

другими представителями», а 8 июня предлагает назначить индийского посла в Москве. В августе назначенная на этот пост родная сестра Неру Виджая Лакшми Пандит выезжает в столицу нашей страны, по его выражению, «наверстывать упущенное» по вине «иноземных властителей, отгораживавших нас от дружественной страны».

Советское правительство также решает открыть миссию в Дели, и в декабре 1947 года в индийскую столицу прибывает советский дипломат П.Д. Ерзин. Первый советский посол Н.В. Новиков приехал через несколько месяцев.

Надо сказать, что начало индийско-советских дипломатических отношений безоблачным назвать трудно. В резком контрасте с недвусмысленными заявлениями премьер-министра индийские чиновники, только что переставшие формально входить в четко выстроенные колонизаторами для охраны своих интересов «гражданские» и прочие «службы», а по сути проникнутые их духом, едва скрывали свои неприязнь и недоверие к русским. Ну а в Москве действовала тяжелая логика начавшейся «холодной войны» с Западом: объявил ее в Фултоне (06.03.1946), как известно, У. Черчилль, а Индия, провозгласив независимость, вышла на международную арену в качестве английского доминиона и члена Британского содружества наций. И на чьей, стало быть, стороне должно было ее числить в разгоравшейся всемирной конфронтации?

Потребовалось время, чтобы в Кремле, в том числе на основе поступавшей из советского посольства информации, разобрались в направленности индийского внешнеполитического курса и оценили ее внутреннюю эволюцию в направлении избавления от колониального наследия.

Так, Кирилл Васильевич Новиков, в сравнительно молодые 42 года ставший в октябре 1947 года первым советским послом в Дели, в письме на имя заместителя министра иностранных дел В.А. Зорина от 13 июня 1950 года, в частности, обращал внимание руководства на то, что «Неру не только отказался от открытого присоединения к англо-американскому блоку, но он также систематически отказывается от присоединения к проектам создания блока азиатских стран, который находился бы под эгидой англо-американского блока. Это является неоспоримым фактом, который нельзя не признать».

Как бы подтверждая такую оценку, через месяц, 15 июля 1950 г., Неру направляет Сталину личное послание с предложением услуг Индии в локализации корейского конфликта с целью его «скорого и мирного урегулирования». Эта по сути первая масштабная внешнеполитическая акция Дели глобального звучания уже несла в себе ряд характерных черт индийской дипломатии последующих лет и среди них — стремление использовать для разрядки напряженности инструмент международных переговоров с подключением Советского Союза. И.В. Сталин немедленно ответил: «Я приветствую Вашу миролюбивую инициативу».

Не вдаваясь в подробности острой дипломатической борьбы вокруг корейского конфликта, уместно, однако, констатировать, что, несмотря на первоначально весьма скептическую реакцию на Западе, в конечном счете, после его улаживания, и там нашел признание вклад Неру в предотвращение перерастания опаснейшей вспышки на Дальнем Востоке во вселенский пожар.

В индийско-советских же отношениях атмосфера начинает ощутимо меняться. Активно проявляет себя сменивший госпожу Пандит на посту посла в СССР доктор Сарвепали Радхакришнан (впоследствии вице-президент, а затем и президент Индии). В апреле 1952 года ему дает аудиенцию руководитель советского государства. Годом позже Сталин принял и нового посла Индии, упоминавшегося нами К.П.Ш. Менона. В период, когда подобные встречи в Кремле были большой редкостью, это определенно свидетельствовало о признании Советским Союзом независимости индийской внешней политики, обозначало особый интерес Москвы к развитию отношений.

По-настоящему переломными, однако, стали визиты Неру в Советский Союз в 1955 году и ответный — Н. Хрущева и Н. Булганина — годом позже, которые памяты буквально нескольким поколениям в обеих странах горячей восторженностью оказывавшегося гостям приема. С этого момента Индия начинает восприниматься у нас как особенно близкая, дружественная страна. Атмосфера отношений характеризуется лозунгом, скандировавшимся многотысячными толпами на пути следования кортежа с советскими руководителями и на потрясающих воображение своей массовостью митингах — «Хинди-Руси бхай-бхай!» («индеец и русский — братья!»).

Быстро наполняется существенным содержанием сотрудничество двух стран: Советский Союз протягивает Индии руку помощи в строительстве основ тяжелой индустрии — фундамента подлинной независимости страны, гарантии обретения ею способности избавиться от ужасающей нищеты многомиллионного населения.

2 февраля 1955 года состоялось подписание соглашения о строительстве под советским техническим руководством и с помощью советских кредитов сталелитейного комбината-гиганта в Бхилаи. Очень скоро «повестка» сотрудничества включала сооружение примерно сорока крупных промышленных объектов, включая сталелитейные заводы и комбинат тяжелого машиностроения, без которых немислим расцвет индустрии. Речь идет о предоставлении на выгодных условиях огромных кредитов, командировании тысяч квалифицированных специалистов, поставках многотонного сложнейшего оборудования.

Посольство СССР становится, помимо прочего, штабом этого огромного строительства, командные рычаги которого сосредоточиваются в его экономическом отделе, где работают десятки подготовленных экспертов из Государственного комитета по внешнеэкономическим связям (хорошо известного в советские годы своей аббревиатурой — «ГКЭС»). Для ГКЭС Индия — едва ли не главное поле приложения сил в эти годы.

Как и для Министерства внешней торговли. Его специалисты составляли аппарат Торгового представительства — торгового отдела посольства — как и экономического, одного из крупнейшего в мире: ведь торговый оборот с Индией начинает бурно расти в унисон с темпами развертывания нашего экономического сотрудничества.

Ретроспективно представляется вполне логичным, что советскими послами в 50—70-е годы в Индию назначались крупные, опытные политические деятели советского государства, помимо высокого положения в КПСС (неизменно члены ее Центрального Комитета со стажем) обладавшие солидными практическими познаниями в деле руководства экономикой. Это — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (в 1956-1959 годах), десятилетие ру-

ководивший Белоруссией, в том числе в военные годы, когда одновременно был начальником Центрального штаба партизанского движения; Иван Александрович Бенедиктов (в 1953 и 1959—1967 годах), без малого полтора десятка лет в качестве наркома и министра руководивший сельским хозяйством всей страны, и Николай Михайлович Пегов (в 1967—1973 годах), до своего перехода на посольскую работу — поначалу в Иране и Алжире — побывавший, вслед за десятилетием руководства Приморским краем и секретарства в ЦК КПСС, Секретарем Президиума Верховного Совета СССР.

Яркие, сильные личности, которых смело можно числить среди лучших представителей плеяды, говоря языком того времени, сталинских выдвиненцев: волевые, целеустремленные, недостаток классического образования и утонченности манер с лихвой восполнявшие цельностью, высокоорганизованным интеллектом, умением четко проводить основную заданную линию, в том числе в работе с людьми — будь то оксфордски просвещенные дипломатические коллеги, погруженные в традицию парламентарии из индийской глубинки, московские партаппаратчики или первые поколения молодых выпускников МГИМО в штате руководимого посольства.

Из прежнего особняка — бывшей резиденции одного из владетельных князей колониальной эпохи в центре Нью-Дели, которую местные власти выделили поначалу посольству страны победившего социализма — оно перемещается в эти годы в современный комплекс зданий, построенный специально по проектам отечественных архитекторов на двух просторных участках территории в центре дипломатического анклава Чанакьяпури на символически названной Шанти Патх («Проспект мира») магистрали к югу от президентского дворца.

По стандартам 60-х — вполне благоустроенные служебные помещения с жизненно необходимым здесь большую часть года центральным кондиционированием, достойными представительскими помещениями, а в жилом городке — бассейн, спортплощадки, в невысоких (сейсмическая зона!) двух-трехэтажных домах небольшие, но даже на тогдашний вкус москвичей комфортабельные, а главное, опять же, кондиционированные квартиры. Дизельные установки, также отнюдь не роскошь при частых в те годы перебоях в делийском энергоснабжении, гаражи и стоянки для многочисленного — в соответствии с немалым штатом, необходимым для решения столь многообразных задач — автопарка.

А посредине жилого городка — ярко освещенный вечерами клуб и обширный плац между ним и внушительным фонтанным ансамблем (по замыслу — для создания соответствующего микроклимата) — место семейных прогулок и ежевечернего общения постоянно занятых работой, но от этого ничуть не склонных изменять всем чисто советским обыкновениям, сотрудников сСовпосольства (так чаще всего писалось в служебных документах той эпохи — для краткости) и его отделов

Пожалуй, говоря именно о Посольстве СССР в Индии, особенно уместно, кроме двух уже упомянутых сказать и об остальных из этих отделов. Правда, территориально они находились не так близко от комплекса на Шанти Патхе, но примечательны были своими размерами.

Информационный отдел благодаря современной полиграфической базе, но главное — хорошо укомплектованному, в основном журналистами Агентства печати новости, компетентному штату сотрудников (не считая многие десятки принятых на месте индийских

коллег), ежедневно выпускал многотысячными тиражами разнообразные печатные материалы на всех основных языках Индии и для самой различной аудитории. Советское информационное присутствие в стране было весьма внушительным.

Культурный отдел Совпосольства был местом, хорошо известным просвещенной столичной публике: ежедневные выставки, кинопросмотры, выступления артистов и ученых из СССР. А кроме того, постоянно действующие курсы русского языка, балетная школа, библиотека... Эти события хорошо анонсировались не только на изовитринах у ворот особняка на улице Фероз-шах роуд (в 80-е его сменило современное пятиэтажное здание с необходимой видео-аудио-теленачинкой в должном изобилии) и в изданиях информотдела, но и в тиражной столичной прессе.

Не слишком многочисленным, но достойным уважения присутствием характеризовался Военный атташат (ВАТТ). Сотрудничество двух стран в военной и военно-технической сфере начинается в конце 50-х и неуклонно набирает обороты в последующие годы.

Для этого были свои причины. В самих обстоятельствах ухода британских колонизаторов с индостанского субконтинента были заложены семена будущих индийско-пакистанских конфликтов. В сумеречной атмосфере холодной войны, в которой противодействующие лагеря стремились создать себе позиции и вытеснить противника по всему миру, используя любые местные противоречия, практически неизбежным стало втягивание Пакистана в созданные американцами военно-политические блоки (одно время он состоял сразу в двух — СЕНТО и СЕАТО). Это весьма способствовало обострению обстановки в регионе — спор из-за стратегически ключевого Кашмира грозил переместиться в наиболее конфронтационную часть международной повестки, когда начавшиеся поставки американского оружия породили соответствующие соблазны. В 60-е годы XX в. положение осложнилось активностью Пекина, взявшего курс на потеснение Индии и противостояние с Москвой, а в этих целях — подстрекательство Исламабада.

В 1965 году советской дипломатии приходится решать в Азии непростые задачи. Администрация Линдона Джонсона после августовской провокации предыдущего года в Тонкинском заливе начинает бомбардировки Северного Вьетнама. Попытки найти почву для какого-либо практического взаимодействия с маоистским Китаем перед лицом этой развертывающейся операции по «отбрасыванию коммунизма» терпят неудачу. На этом фоне начавшиеся в апреле в Качском Ранне индийско-пакистанские вооруженные столкновения становятся особенно неуместным фактором отвлечения внимания мировой общественности от разгорающегося индокитайского очага...

Между тем Индия переживает непростой момент в своей истории — годом ранее умирает Джавахарлал Неру, пользовавшийся в стране практически непререкаемым авторитетом на протяжении всех 17 лет ее независимого существования. Возникает естественная проблема «преемника»: Индия — парламентская демократия, но до очередных выборов в высший законодательный орган почти три года, а прочное большинство в нынешнем — у партии Неру Индийский национальный конгресс. Схватка возникает в ее руководстве. Победителем выходит Лал Бахадур Шастри, становящийся премьер-министром. Однако кое-где, включая и соседний Пакистан, не готовы считать закрытым вопрос о том, сможет ли удержать страну на пути поступательного развития и активной внешней политики этот миниатюрный, сухонький

и улыбчивый старец с мягкими манерами и речью традиционного пандита, или она падет жертвой подмеченных рядом наблюдателей центробежных тенденций и обречена на ослабление, замыкание во внутренние проблемы и распад...

Советская дипломатия, опираясь на реалистические оценки обстановки, достаточно рано разглядела тревожные предпосылки зреющего индийско-пакистанского конфликта. Наличие в штатах совпосольства специалистов-индологов позволяло отслеживая настроения как в широких массах населения, так и среди элиты государств субконтинента. Так, похищение 27 декабря 1963 года священной мусульманской реликвии — «святого волоска пророка Мухаммеда» из крупнейшей мечети Хазрат Бал в столице индийского штата Кашмир (плебисцита в котором для передачи в свой состав требовал Пакистан) городе Сринагар — явная провокация — вызвало столь ожесточенные столкновения религиозных общин по всему Индостану, что не только правительство этого штата сменилось, а в январе-марте 1964 года погибли сотни человек в обеих странах, десятки тысяч остались без сожженного жилья, из Пакистана прибыло примерно 150 тысяч беженцев.

Прогнозируя новые провокации и возможность резкой эскалации, Советский Союз уже в момент стычки в Качском Ранне обращается к Индии и Пакистану с призывом к «выдержке и терпению». Такое обращение стало возможным в результате предпринятых в несколько предшествующих лет шагов по улучшению отношений с Пакистаном — в 1961 году было подписано соглашение о советском техническом содействии в поисках нефти на территории Пакистана. Руководство этой страны начинает понимать выгоду отхода от навязываемой западной политикой блоков односторонности. В 1965 году вновь переизбранный президентом Пакистана его военный руководитель фельдмаршал Мохаммед Айюб Хан первым из глав этого государства посещает Советский Союз.

Разумеется, все это обошлось без ущерба советско-индийским отношениям в результате соответствующей разъяснительной работы с нашей стороны, которая, направляясь политическим руководством, в конечном счете, в своем повседневном, массированном измерении всегда ложится на посольство.

Когда в начале августа 1965 года вновь загремели выстрелы в долине Кашмира — по пакистанской версии, началось «стихийное движение народа за освобождение от индийского ига», а по индийской — беспорядки, организованные пакистанской агентурой при прямом участии спецподразделений пакистанской армии — уже в первые недели, когда военные действия ограничивались территорией этого штата, Москва обратилась к руководству обеих стран с призывом прекратить кровопролитие и воспользоваться мирными средствами для разрешения своих споров. 4 сентября это предложение было повторено Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным в посланиях Айюб Хану и Шастри.

Эти призывы, как и принятые при советском участии резолюции Совета Безопасности ООН от 4 и 6 сентября, составленные в принципе в том же духе, однако не возымели воздействия, пока стороны с 6 сентября не перешли к боевым действиям в районах Сиалкота и Лахора, то есть далеко за пределами Кашмира, а их авиация стала наносить удары по населенным пунктам в глубине территории противника. Это была настоящая война, в которую были втянуты государства с общим населением, составлявшим пятую часть человечества. Ожесточение было неподдельным: по пакистанским данным, Индия потеряла 7 тысяч человек

убитыми, 129 самолетов и свыше 500 танков — Индия признает 2763 убитых, 8444 раненых, 1507 пропавших без вести, 35 самолетов и 80 танков, а пакистанские потери дает как 5800 убитых, 70 самолетов и 462 танка. И это за считанные дни (17 вне Кашмира!).

В эти дни Советский Союз публичные призывы к прекращению огня — в заявлениях ТАСС от 8 и 14 сентября, выступлениях своих лидеров с различных трибун — дополняет новым посланием 17 сентября А.Н. Косыгина Шастри и Айюб Хану. В нем помимо необходимости положить конец кровопролитию конкретно предлагается установить личный контакт и встретиться «в Ташкенте или каком-либо другом городе Советского Союза», причем, если стороны того пожелают, при участии главы советского правительства.

Индия и Пакистан откликнулись на резолюцию Совета Безопасности от 20 сентября 1965 г. о прекращении огня и отводе войск на позиции, занимавшиеся ими до августовских столкновений, именно потому, что наше предложение давало возможность рассчитывать на последующий переход к политическим методам. К величайшему раздражению Запада этот поворот был подготовлен предыдущей «тихой» дипломатией Кремля и обеспечен тонким зрячим расчетом им своих действий по времени.

О Ташкентской встрече (3-10 января 1966 года) написано немало. В том, что касается нашей сегодняшней темы, обратим внимание на следующее. Стороны приехали в Советский Союз с формально несовместимыми подходами: индийцы заявляли, что по Кашмиру, «народ которого сделал свой выбор», переговоров быть не может, пакистанцы — что только по этой теме они имеют смысл. Если за короткое время, несмотря на враждебную кампанию западной прессы с привлечением сторонников «твердой линии» из обеих противоборствующих стран (среди которых была и платная агентура англо-саксов), не останавливавшихся перед провокациями, удалось найти компромиссные формулировки для целой Ташкентской Декларации — попробуйте представить сколько доверительной информации и аналитических наработок относительно запасных и отходных позиций сторон, скрытых подтекстов и удобных толкований легло на кремлевские столы, пройдя прежде через посольских шифровальщиков!

Неожиданная кончина Шастри в Ташкенте через считанные часы после триумфа коллективной дипломатии (выполнению договоренностей, обеспеченных которым, она не помешала) привела к смене руководителя Индии. Им стала дочь Неру Индира Ганди, тогда мало известная, но в суровой внутривнутриполитической борьбе и перипетиях международных схваток вскоре утвердившая себя самым сильным лидером, которым страна располагала в XX веке. Индира выработала свой курс, в котором внешние и внутренние цели и ценностные ориентиры были сплетены столь органично, что укрепление отношений с Советским Союзом только подкрепляло активность в диалоге с Западом, вместе с ней делая убедительной и результативной политику неприсоединения страны, а все это вполне стыковалось и по-своему обслуживало избранный вариант модернизации Индии — при всей его несомненно капиталистической, рыночной направленности, важные роли отводившей государственной экономике и элементам планирования.

Посольство выступает активным проводником линии на установление контактов с новым руководителем страны советского руководства — несмотря на относительную неудачу Национального конгресса на первых после Неру парламентских выборах 1967 года и на

глазах складывающуюся против Индиры Ганди коалицию влиятельных политиков старшего поколения в партии. Речь не о вмешательстве во внутренние дела страны. Просто в Индии в это время начинают ассоциировать дочь Неру с продолжением курса на прочную дружбу с Россией и в большинстве поддерживают его.

Война Индиры Ганди прилась — и это важно — на время после крупного успеха на внеочередных парламентских выборах 1971 года, который, в свою очередь, был порожден твердостью в борьбе с правыми и объявлением ряда демократических реформ. Причиной очередного конфликта Индии с Пакистаном стало кровавое подавление военным режимом генерала Яхья Хана освободительной борьбы восточно-бенгальского народа, вызвавшее появление в соседних индийских штатах миллионов беженцев.

Надо сказать, что международные условия того периода едва ли были более благоприятными для Индии, чем шестью годами ранее: война во Вьетнаме продолжалась, требуя от Вашингтона новых отвлекающих акций в ситуации ожесточения холодной войны вслед за чехословацкими событиями и триумфом Альенде в Чили, а китайская маоистская авантюристичность после столкновений на Амуре достигла апогея. Грубый и прямолинейный Яхья Хан (не чета Айюб Хану) чувствовал себя поощренным на демонстрацию силы. |

Однако было и другое отличие: во всем мире развернулось широкое, живое движение солидарности с восточнобенгальцами. Советский Союз последовательно добивался прекращения бойни в Дакке и других районах Восточного Пакистана, сочетая публичную дипломатию и попытки отрезвить диктатора в Исламабаде негласными обращениями. Одновременно в Дели с опорой на посольство велись интенсивные переговоры, итогом которых стало подписание 9 августа 1971 года Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией. Этот документ явился кульминацией процесса сближения двух стран, закрепив достигнутое при Индире Ганди, когда политические контакты, массивное экономическое сотрудничество, культурно-образовательные обмены сделали взаимное понимание идентичности фундаментальных государственных интересов частью национального сознания народов двух стран.

Для Индии документ, содержащий пункт о соответствующих консультациях, стал важнейшим фактором веры в свою силу и правоту перед лицом шантажа обнаглевшего исламабадского диктатора. И действительно, в решающие декабрьские дни того года, когда поставив надежный заслон на Западе, индийские колонны рванулись на выручку истекавшим кровью отрядам восточнобенгальских партизан «Мукти бахини», именно решительные заявления Советского Союза остановили американскую эскадру, направлявшуюся в Бенгальский залив, и сохранили непотревоженными выстрелами снежные шапки на горах вдоль линии противостояния, за девять лет до того установленной передвижением китайских войск. Так считали все индийцы — вот почему к зданию на Шанти Патхе потянулись тысячи восторженных дельцов, чтобы на колоссальном митинге, к которому посол Н.М. Пегов обратился прямо с козырька над входом, провозгласить свою признательность «братьям из России». А переводил его на хинди молодой выпускник Института международных отношений, которому суждено было через четверть века с лишним самому стать послом в этой стране, — А.М. Кадакин.

Период за подписанием Договора стал самым продуктивным двадцатилетием в истории

советско-индийских отношений. Рекордных объемов в 80-е годы XX в. достигли торговля и экономическое сотрудничество, в том числе в производстве военной техники, началось продвижение к совместному освоению высоких технологий. Визиты руководителей двух стран приобретают регулярный характер. Взаимодействие лидера социалистического лагеря Советского Союза и крупнейшей неприсоединившейся державы Индии выступает важнейшим фактором международной стабильности.

Не случайно назначаемые в Индию советские послы приезжают переводом из стран «нейтрального лагеря» — это знак их подготовленности вести дела с самым влиятельным и самоценным советским стратегическим партнером. Так складывалась карьера сменившего Пегова Виктора Федоровича Мальцева (1974-1978, из Финляндии), Юлия Михайловича Воронцова, выдающегося советского дипломата, первым из карьерных дипломатов, выпускников МГИМО, занимавшего пост посла в Дели (в 1978-1983 годах), Василия Назаровича Рыкова (1983—1988, из Алжира) и Виктора Федоровича Исакова (1988-1991, из Бразилии).

Что представляет собой сегодня Посольство России в Индии? Это все тот же комплексный, постоянно действующий механизм, координирующий практическое осуществление на месте внешнеполитической линии Москвы на всех ее многообразных направлениях. После известных тяжелых травм и досадных сбоев, пережитых нашей дипломатией в начале 90-х, применительно к Индии во многом усилиями посольства, возглавлявшегося опытными профессионалами, закаленными в своих предыдущих непростых миссиях на Востоке, Анатолием Матвеевичем Дрюковым и сменившим его Альбертом Сергеевичем Чернышевым, удалось стабилизировать «заплясавший» было курс, доводившийся со Смоленской площади, в значительной мере рассеять недоумение, порожденное в умах многих наших индийских партнеров ошеломляющими переменами в России.

Первое десятилетие наступившего века – время последовательного и непрерывного развития отношений между двумя нашими державами, для которого характерно постоянство и плотность непосредственных контактов высших руководителей двух стран, высокая структурированность межгосударственного взаимодействия, истинная массовость многообразных контактов – делового, туристического, культурного характера – представителей разных общественных слоев их народов.

Характерны фигуры обоих послов России, сменявших друг друга на протяжении этой декады – Александра Михайловича Кадакина (1999-2004 и вновь с октября 2009 года) и Вячеслава Ивановича Трубникова (2004-2009). При всех различиях траекторий их судеб общим для обоих незаурядных представителей своего дипломатического поколения является высокий профессионализм, основывающийся на полученном в МГИМО в 60-70е годы образовании, которое включало фундаментальную индологическую языковую и страноведческую подготовку, и многолетнем опыте работы в Индии на протяжении нескольких командировок.

Под руководством этих послов сложились новые коллективы специалистов, объединенных современным видением задач российской внешней политики, подготовленностью к применению в их решении созвучных веку информационных и иных потребных сегодняшнему посольскому делу технологий.

Сегодняшняя Индия — стремительно набирающий силу за счет динамичного роста модернизирующейся экономики новый, но весьма активный игрок в региональных и все более — глобальных делах. Дели стремится участвовать в решении всех затрагивающих его интересы проблем на равноправной основе. Выстраивание российско-индийских отношений тесного стратегического партнерства в этих условиях предполагает большую повседневную информационную работу по уяснению реальных объемов задействованных интересов друг друга и выявлению возможностей взаимодействия по широкому кругу международных, региональных и двусторонних вопросов во всей их богатой нюансировке. Автоматизма здесь, как правило, не бывает. Высокое качество диалога двух стран достигается взаимным доверием и знанием, регулярностью и разноуровневым характером контактов, однако не отменяет необходимости порой сложных и эшелонированных переговоров.

Меняются послы. Новые люди в служебных кабинетах, да и, конечно, в приемных посольства. Но по-прежнему каждый вечер солнце неожиданно садится за кряжем Парка Будды, отделяющим вместе с полукругом магистральной улицы Веллингтон Кресент анклав Чанакьяпури от торговых и рабочих западных пригородов Дели. Надвигается темнота, столь резкая и внезапная в этих широтах. Ярко освещен двор (уже стареющего!) дома на Шанти Патхе. Большинство дипломатов разъехались по встречам и приемам, но кое-кто только к вечеру добрался из-за очередной «запарки» до газет, а иные в вечерней тишине берутся за перо. Посольское дело останавливаться не может...